

УДК 141.132 + 141.5 + 17.021.2

В. В. Горбатов

«АРГУМЕНТ ЗОМБИ» И ПРОБЛЕМА АПРИОРНОЙ ВЫВОДИМОСТИ*

Статья посвящена анализу так называемого «аргумента зомби», разработанного Д. Чалмерсом (1995) и направленного против апостериорного физикализма в философии сознания. Рассматривается дополненная и уточненная версия этого аргумента (Чалмерс, 2009), включающая условия полного описания физических фактов (Т) и указания всех релевантных индексикальных истин (I). Как показал Дж. Левин (2010, 2014), важную роль в обосновании корректности этой версии «аргумента зомби» играет Q-фактор, связанный с проблемой априорной выводимости супервентного. Отчасти соглашаясь с его выводами, мы предлагаем альтернативное и более фундаментальное их обоснование. На наш взгляд, Q-фактор и I-фактор, рассмотренные вместе, требуют формулировки принципа априорной выводимости в терминах не строгой, а контрфактической импликации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: физикализм, аргумент зомби, двумерная семантика, модальный рационализм, априорность, необходимость, супервентность, контрфактическая импликация.

В 1995 г. Дэвид Чалмерс¹ бросил вызов физикализму, обозначив тем самым важный антиредукционистский тренд в развитии современной аналитической философии сознания. Вкратце суть его рассуждений такова: сначала мы на основании рефлексии признаем, что мозг и сознание a priori представимы отдельно друг от друга² (философские зомби мыслимы). Затем осуществляем переход от мыслимости к возможности (философские зомби возможны). И если этот переход является обоснованным, то мы должны признать физикализм ложным, поскольку тезис о детерминированности ментальных свойств физическими проваливается: необходимой связи между ними нет. «Если физически идентичный зомбийный мир логически возможен, — пишет Чалмерс, — то из этого следует, что присутствие сознания — дополнительный факт о нашем мире, не гарантируемый одними лишь физическими фактами» [6, 160].

«Зомби-аргумент» не является чем-то совсем уж новым для европейской метафизики — скорее, наоборот. Как справедливо отмечает Д. Иванов, его можно охарактеризовать как картезианский, поскольку с аргументом подобной структуры

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования 15-01-0174 «Двумерные модальные логики и модели рассуждения, основанные на них» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2014–2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹ Впервые этот аргумент был опубликован в статье: *Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness. Journal of Consciousness Studies*, 2(3), (1995), pp. 200–219; через год существенное развитие он получил в книге: *Chalmers D. The Conscious Mind*. N. Y.: Oxford University Press, 1996 (рус. перевод: [6]).

² Точнее, речь идет о представимости мозга, функционирование которого не сопровождается сознанием. Обратный тезис о существовании сознания без тела Чалмерс считает ненаучным, поскольку он влечет картезианский дуализм субстанций.

мы впервые встречаемся у Декарта³. Давно известно, что в таких рассуждениях больше всего вопросов вызывает переход от мыслимости к возможности. Одним из главных возражений является указание на то, что сама по себе мыслимость какого-либо положения дел еще не влечет его (метафизической) возможности. Не избежал подобной критики и Чалмерс.

Возражения такого рода особенно характерны для апостериорного физикализма, или «материализма типа В»⁴. К лагерю «В-материалистов» в той или иной степени можно отнести К. Хилла, Б. Маклафлина, Б. Лоара, Д. Папино, Ф. Гоффа, Н. Блока, Р. Столнейкера, Дж. Левина и многих других современных исследователей. Стоит отметить, что благодаря почти двадцатилетней дискуссии, в ходе которой Чалмерс неоднократно развивал и углублял свою аргументацию, некоторые его оппоненты изменили свое мнение по данному вопросу; так, например, Дж. Левин признается, что его взгляды со временем стали заметно ближе к чалмерсовским [14, 775].

Несомненная заслуга австралийского философа заключается в том, что он существенно уточнил механизм и логические условия перехода от мыслимости к возможности, используя так называемый двумерный подход. Этот подход представляет собой более тонкую методологию, чем та, что имела в распоряжении его предшественников. Он позволяет разложить искомый переход на цепочку понятий-посредников и, при условии согласия с некоторыми базовыми принципами, убедиться, что крайние точки действительно соединяются между собой.

1. Двумерная семантика: эпистемическая версия

Вкратце суть двумерного подхода можно описать следующим образом. (1) Хотя пространство возможных миров является единым, как в стандартной (одномерной) семантике, каждое выражение снабжается двумя видами значения: «первичным интенционалом» (*1-intension*) и «вторичным интенционалом» (*2-intension*); при этом первый можно условно назвать «фрегевским компонентом», а второй — «расселовским»⁵. (2) В эпистемической версии двумерного подхода два этих вида значения различаются своим отношением к познавательным способностям индивида: 1-интенционалы связаны с его способностью идентифицировать

³ «Структура картезианских аргументов выглядит следующим образом. Как правило, в этих аргументах первый шаг связан с переходом от эпистемического утверждения к модальному, а затем от модального утверждения делается переход к метафизическому утверждению о том, что и как существует» [2, 219].

⁴ В работе «*Chalmers D. Consciousness and Its Place in Nature. In Chalmers D. (ed.) Philosophy of mind: Classical and Contemporary Readings. Oxford, 2002*» Чалмерс дает следующую классификацию материалистических возражений на этот аргумент: 1) тип А: зомби немислимы и потому метафизически невозможны; 2) тип В: зомби мыслимы, но метафизически невозможны; 3) тип С: зомби мыслимы сейчас, потому что нам не хватает знаний, но когда мы будем обладать необходимым знанием, зомби будут немислимы. Подробный и вдумчивый разбор этих трех стратегий изложен в [5, 71–92].

⁵ «Как первичные, так и вторичные интенционалы могут рассматриваться в качестве кандидатов на роль “значения” понятия. Думаю, нет смысла выбирать один из них в качестве *подлинного* значения: термин “значение” здесь по большей части почетная формальность. С тем же успехом мы могли бы представить первичный и вторичный интенционалы в качестве соответственно априорного и апостериорного аспектов значения» [6, 90].

референцию правильно использованных выражений в различных эпистемических сценариях, сослагая собственную познавательную перспективу в широких пределах; 2-интенционалы от познавательных способностей субъекта не зависят, — оставляя фиксированной познавательную перспективу последнего, они допускают лишь сослагание фактов. (3) На основании указанных различий вводятся также два вида концептуальных истин и два вида модальностей — первичные (связанные с 1-интенционалами) и вторичные (связанные с 2-интенционалами) (см. [8, 18]).

Рассмотрим примеры выражений, которые, по мнению Чалмерса, имеют одинаковые вторичные интенционалы, но различаются в своих первичных интенционалах.

- Индексикалы. Например, «я»:

- 2-интенционал есть функция, сопоставляющая этому местоимению Виктора Горбатова во всех мирах (где он существует);

- 1-интенционал сопоставляет ему Виктора Горбатова в нашем мире (где данная статья написана Виктором Горбатовым и именно он использует в ней местоимение «я»); но он сопоставляет ему любого другого человека, скажем NN, в мире, где это местоимение используется NN, а не Виктором Горбатовым.

- Жесткие десигнаторы. Например, «А. С. Пушкин»:

- 2-интенционал сопоставляет этому имени А. С. Пушкина во всех мирах (где он существует), даже в тех, где он не написал «Евгения Онегина»;

- 1-интенционал сопоставляет ему автора «Евгения Онегина» в нашем мире, но, скажем, автора «Братьев Карамазовых» в мире, где он написал вместо «Евгения Онегина» именно это произведение и существенным образом идентифицируется как его автор.

- Имена естественных видов. Например, «вода»:

- 2-интенционал сопоставляет этому имени H_2O во всех мирах, где вода имеется (Земля, Земля-Двойник и т. д.);

- 1-интенционал сопоставляет ему H_2O на Земле, но XYZ на Двойнике Земли.

Эти примеры показывают, что первичные интенционалы служат для наделения выражений не только семантическим содержанием, как его принято понимать в стандартной (одномерной) семантике, но и когнитивной значимостью. «Для моих целей, — пишет Чалмерс, — наибольшую важность имеет первичный интенционал: именно первичный интенционал содержит то, что нуждается в объяснении в понятии естественного феномена. Если бы кто-нибудь попросил объяснить воду задолго до того, как мы узнали, что вода в действительности является H_2O , то они так или иначе спрашивали бы об объяснении прозрачной, пригодной для питья жидкости, окружающей их. Только *после* завершения объяснения мы узнаем, что вода есть H_2O . Первичный интенционал понятия, в отличие от вторичного интенционала, независим от эмпирических факторов: он *специфицирует* то, каким образом референция зависит от наличного состояния внешнего мира, а значит, сам по себе не зависит от того, каким именно является этот внешний мир» [6, 84].

Таким образом, выбранный Чалмерсом логико-семантический инструментальный вполне подходит для концептуального анализа. Но достаточен ли двумерный подход сам по себе для того, чтобы обосновать какую-либо нетривиальную позицию в области философии сознания? На этот вопрос следует ответить

отрицательно. Для предпринятой австралийским философом атаки на физикализм необходимы дополнительные методологические выкладки.

2. Модальный рационализм и принцип априорной выводимости супервентного

Пожалуй, одним из важнейших принципов чалмерсовского подхода выступает модальный рационализм, призванный установить тесную связь между метафизической и эпистемической модальностями. Вот как сам Чалмерс комментирует свою приверженность данной позиции: «Корни модальных понятий уходят в область рационального. Если посмотреть на цели, ради которых модальности вообще были введены в рассмотрение (например, первую главу книги Д. Льюиса “О множественности миров”), то можно поразиться тому, сколь многие из этих целей тесно связаны с рациональным и психологическим: анализ мыслительных содержаний и семантики языка, объяснение механизма контрфактического мышления, анализ рациональных умозаключений. Можно уверенно утверждать, что понятия возможности и необходимости оказались поистине полезны в этих областях, они заслужили право считаться рациональными модальными понятиями, конститутивно связанными с непротиворечивостью, рациональными умозаключениями и мыслимостью» [9, 326].

Однако существует и противоположный взгляд — модальный автономизм. Он сводится к признанию того, что метафизическая модальность существенным образом автономна, не зависит от эпистемической, так что последняя никак не может служить методологическим ориентиром для умозаключений к первой. Один из главных адвокатов модального автономизма, Дж. Левин [15, 365], упрекает модальных рационалистов в том, что они смешивают семантическое и метафизическое понятия фундаментальности: что более фундаментально семантически, то более фундаментально и метафизически, считают они.

Особенно ярко суть модального рационализма, по мнению Дж. Левина, проявляется в принципе «априорного следования» для суждений о логической супервентности. Напомним, что понятие супервентности формализует интуитивную идею о том, что одно множество фактов может полностью определять другое множество фактов. «В-свойства супервентны на А-свойствах, — пишет Чалмерс, — если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их В-свойствах. <...> К примеру, биологические свойства супервентны на физических свойствах, если любые две возможные физически тождественные ситуации биологически тождественны» [6, 55].

Пусть $B \rightarrow N$ есть утверждение о логической супервентности N на B . Под « N » может подразумеваться некий не-базовый макроуровневый факт, например, наличие чашки на столе, а под « B » — конъюнкция релевантных N базовых микроуровневых фактов, например, некое взаимное расположение субатомарных частиц. Тогда модальные рационалисты будут утверждать, что

(MR): Условные суждения вида $B \rightarrow N$ являются не только метафизически необходимыми, но и априорными.

Другими словами, модальные рационалисты, равно как и модальные автономисты, признают, что импликация $B \rightarrow N$ является метафизически необходимой (по определению супервентности). Однако первые, в отличие от вторых, утверждают также, что она должна быть *априорной*. Тем самым они запрещают нам, вынося суждения о супервентности, использовать так называемые «сильные необходимости», которые сочетали бы в себе метафизическую необходимость с эпистемической контингентностью (апостериорностью).

Является ли MR-принцип само собой разумеющимся? Вытекает он аналитически из определений входящих в него базовых понятий или же оставляет место для сомнений и/или переинтерпретации? Эти вопросы, на наш взгляд, являются ключевыми при оценке «аргумента зомби», к рассмотрению которого мы наконец и переходим.

3. 2D-аргумент против материализма («зомби-аргумент»)

Объектом нашего анализа выступает уточненная и дополненная версия «аргумента зомби», опубликованная Чалмерсом в 2009 г. [9]. В этой версии, во-первых, учтены многие возражения, появившиеся после публикации книги «Сознающий ум». Во-вторых, в ней эксплицированы некоторые скрытые допущения семантического, логического и общеполитического характера. В-третьих, она более четко показывает специфику применяемого им двумерного подхода.

Прежде чем перейти к разбору самого аргумента, необходимо сделать некоторые предварительные пояснения.

1) Под «мыслимостью» понимается первичная идеальная позитивная мыслимость⁶, т. е. способность субъекта, опираясь только лишь на априорные основания, сформировать непротиворечивый и полный эпистемический сценарий, включающий в себя обсуждаемую гипотезу, причем так, что непротиворечивость этой гипотезы будет гарантирована даже при условии полного анализа всех входящих в нее понятий и идеальной рациональной рефлексии.

2) Под «возможностью» понимается наличие в логическом пространстве возможных миров, по крайней мере одного такого мира, в котором выполняется интенционал рассматриваемой гипотезы. Поскольку в семантике Чалмерса признается два вида интенционалов (см. выше), он различает и два вида возможности: *первичная* (1-возможность) связывается с наличием хотя бы одного централизованного мира, в котором выполняется первичный интенционал гипотезы; *вторичная* связывается с наличием хотя бы одного обычного, нецентрализованного мира, в котором выполняется ее вторичный интенционал.

3) Под «расселовским монизмом» понимается, по сути, панпротопсихизм: учение о том, что хотя структурные свойства физического в действительном мире сами по себе не влекут с необходимостью наличие сознания, но в сочетании с внутренними (*intrinsic*) свойствами они с необходимостью к нему приводят. Важно, что «расселовский монизм», хотя он в некотором смысле и противоположен

⁶ Подробнее о понятии мыслимости и ее видах в связи с умозаключениями от мыслимости к возможности см. [10].

дуализму свойств, противоположен также и чистому физикализму. То есть его допущение на одном из шагов рассуждения в целом согласуется с антифизикалистской установкой Чалмерса и является лишь небольшой уступкой, предпринятой для сохранения логической корректности аргумента в целом⁷.

4) Под «материализмом» понимается материализм В-типа, т. е. позиция, признающая мыслимость «философских зомби», но утверждающая глобальную логическую супервентность ментального на физическом (PQ): *если два возможных мира не отличаются по своим физическим свойствам, то они не отличаются и по своим качественным (феноменальным) свойствам* (см. [7]).

Пусть «Q» означает, что в мире имеют место качественные (феноменальные) состояния, а «P» — что в нем имеют место соответствующие физические состояния. Тогда PQ-тезис можно предварительно записать в виде утверждения

$$(PQ) \square (P \rightarrow Q)$$

Разумеется, эта формула не является исчерпывающим описанием В-материализма, но для целей Чалмерса достаточно того, что любой В-материалист должен признавать данное утверждение истинным.

5) Для отвода стандартных возражений от «неполноты описания» (см. [12]) и от индексикальности (см. [17]) Чалмерс добавляет в формулировку аргумента утверждения «T» (рассматриваемый мир является минимальным из тех, что удовлетворяют P — так называемое «that's-all-условие») и «I» (так называемое «you-are-here-условие» — конъюнкция всех релевантных индексикальных истин: «Я есть x», «сейчас y», «здесь z» и т. п.⁸).

Теперь подробная структура аргумента может быть представлена следующим образом:

(1) $PTI \ \& \ \sim Q$ мыслимо.

(2) Если $PTI \ \& \ \sim Q$ мыслимо, то $PTI \ \& \ \sim Q$ является 1-возможным.

(3) Если $PTI \ \& \ \sim Q$ 1-возможно, то $PT \ \& \ \sim Q$ является 2-возможным или расселовский монизм верен.

(4) Если $PT \ \& \ \sim Q$ 2-возможно, то материализм ложен.

(5) Материализм ложен или расселовский монизм верен.

Первая посылка представляет собой результат априорной рефлексии. Она предлагает нам мысленно перенестись в такой возможный мир, который физически и индексикально неотличим от нашего (PTI), но не содержит фактов сознания ($\sim Q$). При этом несущественно, имеют ли они место в действительном мире, — в последнем случае роль «PTI & $\sim Q$ »-мира будет просто выполнять действительный мир.

Вторая посылка в литературе часто называется CP-принципом: она утверждает переход от мыслимости (C = conceivability) к возможности (P = possibility). Очевидна связь этого принципа с MR-принципом, обсуждавшимся выше. Несколько

⁷ Подробнее о невозможности исключить «расселовский монизм» в рамках «зомби-аргумента» см. в [9].

⁸ Где x, y, z... — определенные дескрипции, указывающие на индивидов, моменты времени, точки пространства и т. д. соответственно.

упрощая, можно сказать, что CP , по сути, является модальной конверсией MR : если для высказывания S рассматриваемого вида метафизическая необходимость S влечет априорность S , то мыслимость S (невозможность априорным образом исключить $\sim S$) влечет возможность S (отрицание метафизической необходимости $\sim S$)⁹. Таким образом, мыслимый нами « $PTI \& \sim Q$ »-мир мы должны признать метафизически возможным — пусть и в особом смысле. Специфика 1-возможности, напомним, состоит в том, что для ее принятия нам нужно уметь сослагать собственную эпистемическую перспективу. Это значит, что мы должны быть способны на мгновение забыть, что наш мир — «единственно действительный», и рассмотреть мыслимую его альтернативу в модусе «как если бы она была нашим миром», с целью убедиться, что «изнутри себя» она в самом деле возможна.

Третья посылка прокладывает путь от 1-возможности к 2-возможности. Разумеется, ценой такого перехода является потеря всех релевантных индексикальных истин (I), ведь теперь мы должны рассмотреть « $PTI \& \sim Q$ »-мир уже не «изнутри него самого», а как бы «снаружи», на общих основаниях со всеми другими возможными мирами. Интуитивно такая процедура означает переход от рассмотрения центрированного мира по Льюису (эпистемического сценария по Чалмерсу) к рассмотрению того же самого мира уже в качестве обычного, нецентрированного. Как мы уже отмечали [1], соотношение центрированных и нецентрированных миров не является таким простым, как Чалмерс хочет показать. Но в данном случае мы не будем останавливаться на этой проблеме и допустим, что нецентрированный мир получается из центрированного путем простого устранения всей информации *de se*, т. е. выключения I -фактора из рассмотрения. Поскольку установки *de se* являются по сути своей эпистемическими, мы, как кажется, можем ими пожертвовать без особого ущерба для метафизических выводов. Единственной ценой этого является признание невозможности исключить расселовский монизм, но это для Чалмерса и не было принципиальной целью.

Шаг (4) основан на определении материализма, данном выше. Шаг (5) представляет собой общее заключение из посылок (1)–(4).

Как видно, убедительность всего аргумента решающим образом зависит от того, принимаем ли мы посылки (2) и (3).

4. Q-фактор и I-фактор

Как отмечает Дж. Левин, посылка (2) является сомнительной уже потому, что она целиком основана на MR -принципе, а тот, в свою очередь, обосновывается у Чалмерса и Джексона [11] без учета так называемого Q-фактора. Вкратце речь идет вот о чем: откуда мы можем быть уверены, что опровергаемое в аргументе утверждение « $PTI \rightarrow Q$ » имеет форму « $B \rightarrow N$ » (см. раздел 2) и, следовательно, должно быть априорным? Ведь если оно не является априорным, а так считают многие материалисты, то рухнет шаг (4): возможность «зомбийного мира» не вступает в конфликт с физикалистским тезисом. Чалмерс и Джексон предлагают убедиться,

⁹ Точнее говоря, сказанное имеет силу для $CP-$ (негативной версии CP , основанной на понятии негативной мыслимости). Для вывода $CP+$ из MR требуются некоторые дополнительные допущения, и Чалмерс это признает [9, 323].

что утверждение « $P \supset Q$ » имеет в рамках физикализма тот же познавательный статус, что и утверждение « $P \supset Q \supset N$ » в рамках дуализма: оба они утверждают выводимость не-базовых макроуровневых фактов из полного списка фундирующих их микроуровневых фактов. А следовательно, полагают они, физикалисты должны признать, что « $P \supset Q$ » является априорным, ведь оно является таким же утверждением о супервентности, как и « $P \supset Q \supset N$ » для дуалистов.

Дж. Левин справедливо указывает, что перенесение параметра « Q » в антецедент импликации как раз и является тем решающим различием, которое блокирует эту аналогию. Другими словами, именно для настоящих материалистов она будет неубедительной (хотя для дуалистов она убедительна вполне).

Однако нам хотелось бы заострить внимание на посылке (3) и на параметре « I », который там фигурирует. Исчезновение « I » в консеквенте — ничуть не меньшая проблема, чем перенос « Q » в антецедент. Как уже было отмечено, переход от 1-возможности к 2-возможности содержит коварную деталь — децентрирование возможного мира, прыжок от установки «этот мир может *мыслиться* в качестве действительного (по крайней мере изнутри себя самого)» к установке «этот мир может *быть* действительным, то есть существовать».

Казалось бы, еще Крипке убедительно показал [13], что некоторые утверждения могут мыслиться как истинные, но при этом не быть истинными ни в одном возможном мире (например, «Вода не является H_2O »). Однако Чалмерс заявляет, что идеи Крипке должны быть развиты до обнаружения в них «дальнейшего» аспекта: предложение «Вода не является H_2O » не истинно ни в одном возможном мире, и все же это оно выражает самую настоящую возможность — возможность того, что водянистая субстанция, наполняющая моря и озера, не является H_2O . Как такое может быть? Очень просто: первичный интенционал термина «вода» («водянистая субстанция...»), по Чалмерсу, может быть без труда превращен в диагональный интенционал («то, что *в актуальном мире* является водянистой субстанцией»), а затем подходящим образом спроецирован на контрфактические миры для получения соответствующего вторичного интенционала.

Например, если в мире «Земля-Двойник» в качестве «того, что *на настоящей Земле* является водянистой субстанцией» выступает не H_2O , а XYZ, то предложение «Вода не является H_2O », по Чалмерсу, действительно выражает некую подлинную возможность, а именно возможность того, что «Вода является XYZ» (хотя возможность эта носит весьма специфический характер, включая в себя элементы не только фактуального, но и семантического сослагания). «В самом общем виде, — пишет Чалмерс, — суть дела можно выразить, сказав, что крипкеанская апостериорная необходимость никоим образом не делает какие-либо логически возможные миры невозможными. Она просто говорит нам о том, что некоторым из этих миров дается неверное описание, когда мы применяем термины в соответствии с их первичными интенционалами, а не в соответствии с более уместными вторичными интенционалами» [6, 173] (см. также [3]).

Таким образом, способ конструирования 2-возможностей из 1-возможностей, предложенный Чалмерсом, вызывает много вопросов. И главный из них связан с процедурой децентрирования миров, т. е. с I -фактором: даже если децентрированный мир является полной физической копией исходного централизованного

мира, как возможно априорное знание об этом? По сути, удалив параметр « I » из антецедента импликации, мы подменяем характер всей импликации в целом. Даже если она была априорной до этой процедуры, нет никаких гарантий, что она сохранит априорный характер после нее.

5. Контрфактическая импликация вместо строгой?

Теперь мы хотели бы объединить приведенные выше соображения относительно роли параметров « Q » и « I » в рамках рассматриваемого аргумента. Исключение « I » из консеквента импликации на третьем шаге с переходом от 1-возможности «зомбийного мира» к его 2-возможности предполагает, на наш взгляд, подмену смысла самой импликации в целом. Если изначально использовалась строгая (льюисовская) импликация, верифицируемая включением одного множества возможных миров в другое, то на шаге (3), по сути, мы имеем дело с совсем другой условной связью, которая и верифицируется по-другому. Различие в том, что для установления истинности утверждения (3) мы вовсе не проверяем, включается ли множество миров типа « $PTI \& \sim Q$ » в множество миров типа « $PT \& \sim Q$ ». Нет, мы скорее переносимся из исходного возможного мира « $PTI \& \sim Q$ » в близкий ему мир « $PT \& \sim Q$ ». Второй является почти полным двойником первого, за исключением одного параметра — « I ». И в этом новом мире, где мы оказались, нам приходится заново задавать вопрос о его метафизической возможности.

Таким образом, импликация в посылке (3) формально обладает свойствами, больше похожими на свойства контрфактической импликации. Логико-семантические различия строгой и контрфактической импликации хорошо изучены со времен Д. Льюиса [16] и Р. Столнейкера [19]. Напомним, что в рамках подхода Льюиса–Столнейкера предложение типа «если бы A , то B » ($A \square \rightarrow B$) истинно в мире α , е.т.е. высказывание B истинно в некотором *минимально отличном* от α мире β , в котором истинно A . Для этого гипотетическое положение дел, выражаемое антецедентом, должно быть добавлено к тому множеству положений дел, которое представляет собой действительный мир, после чего в последнее вносятся те (и только те!) изменения, которые необходимы для сохранения его непротиворечивости (не подвергая модификации положение дел, выраженное в антецеденте).

Стоит отметить и еще одно обстоятельство. Как известно, контрфактическая импликация не обладает свойствами контрапозиции, экспортации, импортации и перестановочности антецедентов. Значит, если наше предположение о контрфактическом характере импликации распространить с формулы (3) на весь аргумент, то понятной становится, в частности, и роль Q -фактора, о которой говорит Дж. Левин. В отсутствие экспортации, импортации и перестановочности антецедентов обосновать сколь-нибудь строгую логическую связь между формулами вида « $PTI \rightarrow Q$ » и формулами вида « $PQT \rightarrow N$ » действительно нельзя. Мы не беремся сейчас утверждать, что контрфактическая импликация в этих формулах является необходимым условием для обособления Q -фактора, но она, похоже, является достаточным условием для этого. Таким образом, приняв контрфактическую трактовку, мы получаем более единообразное, формальное и фундаментальное обоснование возражений, связанных с ролью параметров « Q » и « I ».

Наконец, наш подход объясняет сомнительность (2) посылки еще и в отношении ее декларируемой связи с тезисом модального рационализма (MR). В отсутствие контрапозиции способ выведения CP из MR, описанный выше, попросту не работает.

В заключение следует подчеркнуть, что мы лишь ставим под сомнение привычный способ формализации 2D-аргумента против материализма, а вовсе не сам двумерный подход и не попытку Чалмерса опровергнуть материализм с помощью этого подхода. Очевидно, что переформулировка всего чалмерсовского рассуждения в указанном нами ключе потребует переосмысления связи понятий супервентности, мыслимости и возможности. Но мы совсем не исключаем того, что обновленный аргумент окажется логически валидным, — этот вопрос требует отдельного исследования.

1. Горбатов В. В. Логико-онтологические предпосылки двумерной семантики // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2012. Т. 100, № 1. С. 37–44.
2. Иванов Д. В. Модальная метафизика и психофизическая проблема // Именование, необходимость и современная философия. СПб., 2011. С. 211–223.
3. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
4. Ламберов Л. Д. Значение, двумерная семантика и контингентное априори // Именование, необходимость и современная философия. СПб., 2011. С. 112–123.
5. Нагуманова С. Ф. Материализм и сознание. Казань, 2011.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2013.
7. Chalmers D. Consciousness and Its Place in Nature. In Chalmers D. (ed.) *Philosophy of mind: Classical and Contemporary Readings*. Oxford, 2002
8. Chalmers D. The Foundations of Two-Dimensional Semantics. In Garcia-Carpintero M., Macià J. *Two-Dimensional Semantics*. Oxford, 2006.
9. Chalmers D. The two-dimensional argument against materialism. In *Oxford Handbook of Philosophy of Mind*, B. McLaughlin (ed.), Oxford, 2009. P. 313–335.
10. Chalmers D. Does conceivability entail possibility? // *Conceivability and Possibility* (T. Gendler & J. Hawthorne, eds). Oxford, 2002.
11. Chalmers D., Jackson F. Conceptual Analysis and Reductive Explanation // *Philosophical Review*. 2001. Vol. 110. P. 315–361.
12. Jackson F. *From Metaphysics to Ethics*. Oxford University Press, 1998.
13. Крипке С. *Naming and Necessity*. Oxford, 1980.
14. Levine J. Modality, semantics, and consciousness // *Philosophical Studies*, 2014. Vol. 167. P. 775–784.
15. Levine J. The Q Factor: Modal Rationalism Vs. Modal Autonomism // *Philosophical Review*. 2010. Vol. 119, № 3. P. 365–380.
16. Lewis D. *Counterfactuals*, Oxford: Basil Blackwell. Oxford, 1973.
17. Perry J. *Knowledge, Possibility, and Consciousness*. Cambridge, 2001.
18. Schroeter L. Two-Dimensional Semantics // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/two-dimensional-semantics/> (accessed: 20.03.2014).
19. Stalnaker R. *A Theory of Conditionals* // *Studies in Logical Theory, American Philosophical Quarterly* (Monograph Series, 2), Oxford, 1968. P. 98–112.